

• ИЗВЕСТНЫЙ РЕЖИССЕР НЕ ЛЮБИТ ПОЛИТИКУ И ЖАРЕННЫЙ ЛУК

14

СЛЕГКА заплутав в подмосковном поселке в поисках рязановской дачи, мы неожиданно встретили самого хозяина в потертых штанах и облупленных грязью сапогах с большим пакетом мусора в руках: наводил чистоту на поселковой улице. "Только, пожалуйста, давайте не о политике, сейчас всего этого так много, что уже неинтересно. Скажем так: у меня на все есть собственная точка зрения, и я с ней согласен".

- Эльдар Александрович, вы в последнее время постоянно здесь живете - устали от Москвы?

Э. А.: - Нет, от Москвы я не устал, обожаю Москву - я в этом городе с младенчества, да и вообще я городской житель, родился тоже в городе. Но всегда мечтал иметь собственный дом, жить на природе, за городом.

- А землей-то занимаетесь, сажаете, поливаете?

Э. А.: - Видите ли, я очень не люблю нагибаться. И в согнутом состоянии не люблю ни перед кем быть, даже перед землей. (Во как сказал - как отрезал!) Землей, хозяйством Эмма занимается...

Скоро уже три года, как Эльдар Александрович стал появляться повсюду со стройной черноглазой женщиной, Эммой Валерьяновной. Люди, близкие к кино, и я в том числе, знают ее давно - она возглавляла в Свердловске бюро пропаганды киноискусства, затем организовала в столичном Киноцентре фирму "Премьера плюс", придумала и проводила ежегодный кинофестиваль. Деловая женщина-руководитель, энтузиаст-"трудоголик" вдруг стала мужней женой и домохозяйкой...

Эмма Валерьяновна: - Ну, уж конечно! Знаешь, как приходится бегать? Как-то в конце дня, так и не переделав всех дел, сижу грустная, а Эльдар Александрович ехидно так говорит: "Это тебе не фестивали организовывать, тут крутиться надо!"

- Помогаете?

Э. В.: - Естественно, помогаю, пытаюсь помочь Эльдару Александровичу во всех его многочисленных делах.

Э. А.: - Во всех и во всем, от звонков до чтения рукописей... И я, член Союза писателей и народный артист СССР, прислушиваюсь к ее советам, и, надо сознаться, она, хоть и татарско-грузинская "смесь", русский язык знает лучше меня.

- А сам-то Эльдар Александрович человек организованный?

Э. В.: - Более чем! Это, я тебе скажу, такой мотор, такой вечный двигатель (стучу по дереву)! С утра начинаются дела, тысячи дел, и ничего не откладывается, и все успеваешь, и все помнится. Так что (особенно в связи с предстоящим в этом году юбилеем Эльдара Александровича, с которым просто невозможно смириться) никакие молодые с ним не сравнятся. И я в том числе, хотя намного моложе его...

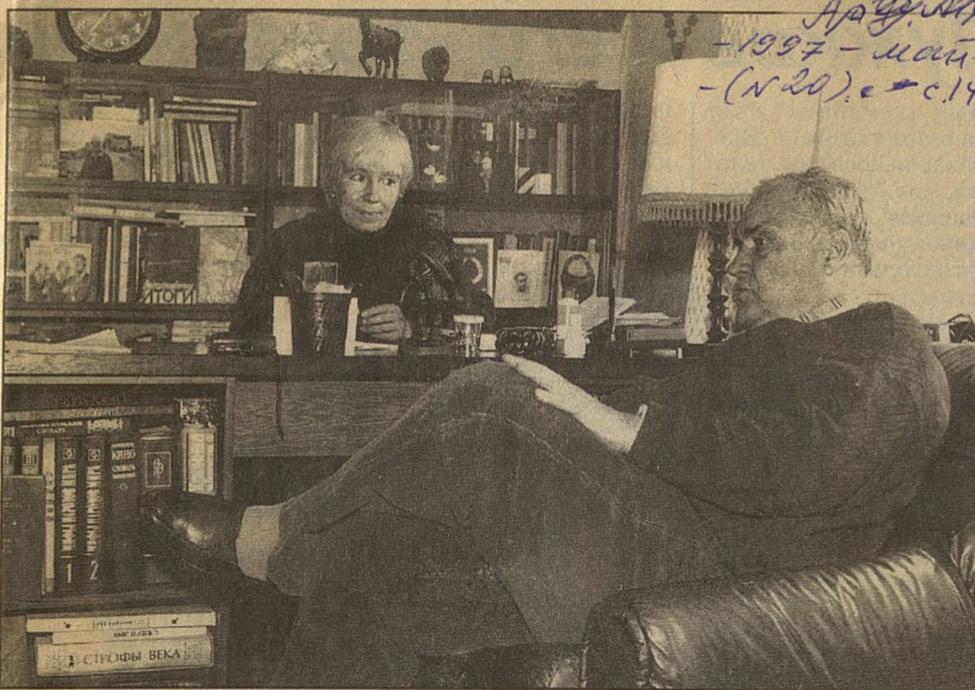
Э. А.: - А вот это бестактно! Лучше скажи, чувствуешь ли ты эту разницу?

Э. В.: - Да я же только что сказала!

Э. А.: - А во-вторых, ты, в отличие от меня, уже бабушка со стажем, дважды бабушка. Представляете, я женился на бабушке? У Эммы две внучки, 8 и 14 лет, а вот я совсем юный дед: у меня с внуком шестьдесят лет разницы - ему девять.

- Почти все ваши фильмы - это истории любви, часто похожие на сказки. А сюжет вашего знакомства с Эммой тоже сказочный?

Э. А.: - Эмма неоднократно приглашала меня по телефону, как и многих других кинематографистов, приехать в Свердловск на встречу со зрителями, но все не хватало времени. И вот в 1987 году на Московском кинофестивале иду я по коридору гостиницы "Россия", а навстречу милая женщина. Останавливается и говорит: "Эльдар Александрович, это я вас все приглашаю в Свердловск, а вы все не соглашаетесь". А я галантно отвечаю: "Если бы я знал, что меня приглашает та-

Малая планета по имени «Рязанов»

кая замечательная барышня, я бы тут же приехал, но по телефону этого не видно". Но даже после этой фразы я не поехал. Хотя меня и продолжали завлекать туда. Так я и не узнал, как принимала Эмма гостей из Москвы в этом лучшем, по ее мнению, городе мира. Все это досталось другим. Тут напишите: "И он заплакал..."

- А как ков Рязанов в быту?

Э. В.: - Ой, в быту он исключительно легкий человек! Он, конечно, может легко вспылить - ну, скажем, если ремень не застегивается...

Э. А.: - Что ты такое говоришь, что за примеры приводишь? Читатель может подумать, что я толстый! И, кстати, что касается "легкости" моего нрава, то это не совсем так. Например, я пихон: люблю, чтобы все было по мне, люблю старые поношенные вещи, должно быть все удобно - дом, машина, быт. Если в доме не ходят часы - скандал!

Э. В.: - Вот это точно. Он не терпит беспорядка ни в чем. Лампочка может быть перегоревшей ровно столько, сколько нужно времени, чтобы ее вернуть и поменять.

- Но меняет-то сам?

Э. А.: - Это я могу. Вот все картинки на стенках я сам повесил. (Дом и впрямь напоминает картинную галерею. - М. М.) Пробки поменять могу. Умею готовить - у меня мама была за-

мечательная кулинарка, и я к любому салату или омлету подхожу творчески.

- А любимые блюда есть?

Э. А.: - Нелюбимых нет, все любимые. С детства терпеть не могу только два: молочные пенки и жареный лук.

- Вы оба, чувствуется, люди с характером. Как уживаетесь?

Э. А.: - Роли распределяются так: я слышу пессимистом, а у Эммы вторая фамилия Оптимистенко. Утром открываем окно, я тут же говорю: "Ну холодина". А она: "Зато сухо". Или я: "Опять дождь". А Эмма: "Зато тепло". Вот это "зато" я слышу постоянно. Едем в аэропорт, я говорю: "Самолет опоздает, багаж отправят не туда". Эмма же каждый раз уверяет, что все будет вовремя, все хорошо.

- А получается, наверно, по-вашему?

Э. В.: - Нет, чаще всего бывает по моему.

Э. А.: - Нет, всегда прав я.

- Эльдар Александрович, о политике уговорились ни слова, но все-таки - с Борисом Николаевичем после той известной телепередачи как-то общаетесь?

Э. А.: - Знаете анекдот, как грузин в партию вступал? Его спрашивают: "Маркса знаешь?" - "Нет". - "Энгельса?" - "Нет". - "Ленина?" - "Слушай, кацо, у тебя своя компания, у меня своя".

- А в партии не состояли?

Э. А.: - Никогда. Меня соблазняли, свращали, но я то говорил, что не дорос, не созрел. То говорил, что работаю в жанре комедии, а это такой идеологически опасный жанр. Знаете, я вообще в жизни никогда не делал того, чего не хотел. Ни тогда, ни сейчас. И это знали, и предложить мне снять, скажем, фильм о Ленине никому даже в голову не могло прийти.

- А запрещали делать что-то?

Э. А.: - Это было. Из неснятого - "Мастер и Маргарита", "Иван Чонкин", "Сирано де Бержерак" (фильм закрыли за десять дней до начала съемок, уже были потрачены огромные деньги - из-за Евтушенко, которого я хотел снимать в главной роли, а это было сразу же после того, как он выступил против нашего вторжения в Чехословакию). А с "Мастером..." Там ведь все-таки действующее лицо - дьявол, хоть и симпатичный. И не зря сюжет этот, точно заколдованный, проклятый, никому не дается. Так что, может, оно и к лучшему, что не дали снимать... Спасибо родной Коммунистической партии - уберегла.

...На этой оптимистической ноте в былые времена впору было бы закончить нашу беседу в светлом, со сквозными комнатами, уютном доме - "малой планете" по имени "Рязанов". Кстати, такая планета существует и названа в честь режиссера: соответствующий документ висит на стене. "В случае чего нам есть куда смыться. И на чем - тоже нет проблем: у меня ведь, как известно, и паровозы летают!"

- А действительно, "смыться", уехать на Запад не хочется?

Э. А.: - Никогда не хотел. И это не в силу какого-то врожденного идеализма, отчасти прекрасного, отчасти граничащего с идиотизмом. И не в силу патриотизма, о котором многие так любят сегодня рассуждать. Это более сильное чувство, физиология, в нем участвует не сознание - организм, хотя, быть может, это звучит и кощунственно. Я просто кожей своей не могу жить в другой стране, в другом языке, климате: уже через неделю начинаю отчаянно скучать и рваться сюда. И так было всегда, даже в самые застойные годы. Конечно, я был привилегированным рабом: меня выпускали на фестивали, за рубеж, но я всегда рвался обратно. В "Вокзале для двоих" финал символичен: герой бежит из последних сил в свой лагерь. Так и я всегда возвращался в свой лагерь, который составлял одну шестую часть Земли и был опоясан колечкой проволокой.

- Сейчас часто сравнивают те времена и нынешние. Тогда вы были привилегированным рабом. А сейчас?

Э. А.: - Сейчас нам сказали: "Дышите!" И отключили кислород. Раньше говорили: "Не дышите!", но воздух был. А вообще человеку интеллигентному всегда плохо: мне и тогда было плохо, и теперь невесело. Вынужден на старости лет побираться, ходить с протянутой рукой, искать, выпрашивать деньги, которых нет, которые не дают. Я не уверен, буду ли вообще еще снимать, хотя замыслы есть. Из давних замыслов - "Натasha Ростова", такая выжимка из толстовского романа. Из недавних - книжка Владимира Кунина "Русские на Мариенплац", приключения нашего бывшего циркача в современной Германии; его наняла мафия отцепить платформу с "Мерседесом", а на ней оказался танк с танкистом...

- Ваши телепередачи для вас - творческая отдушина? Кто еще станет их героями?

- Патрисия Каас, Роман Гари, Алексей Каплер. "История любви" - так будет называться программа о нем...

Пес Чонкин, добродушный и бесцеремонный свидетель и участник нашего разговора, выбегает нас провожать. Напоследок Рязанов рассказывает историю. Однажды в Риге ему передали записку. В ней говорилось о женщине, которая решила покончить с собой: будучи врачом, она знала одно безотказное средство. Но по телевизору в тот момент начиналась "Ирония судьбы", и Ширвиндт покупал шампанское. Она жива до сих пор. Купила видеокассету с "Иронией..." и смотрит ее, как было сказано в записке, "по мере необходимости": "Наверное, действительно, у моих фильмов такое оптимистическое послевкусие..."

Марина МУРЗИНА Фото Сергея Хальзова

